К. Ф. Седов

ОБЩАЯ И АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

STUDIA PHILOLOGICA

STUDIA PHILOLOGICA

Константин Федорович Седов

ОБЩАЯ И АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ЯСК
МОСКВА 2016

УДК 80/81
ББК 81
С 28

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (*РГНФ*)
проект № 15-04-16055

Редакторы:
В. В. Дементьев, С. Н. Цейтлин

Седов К. Ф.

С 28 Общая и антропоцентрическая лингвистика. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. — 440 с. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-9908330-6-7

В монографии «Общая и антропоцентрическая лингвистика» Константина Федоровича Седова (1954—2011) систематизированы главные направления его научной деятельности: психолингвистика, теория дискурса, генристика, онтолингвистика, лингвоперсонология, прагмасемиотика художественного текста. Представлены как общие теоретические идеи К. Ф. Седова о структуре и задачах лингвистической науки, так и исследования по отдельным направлениям антропоцентрической лингвистики на конкретном языковом и речевом материале: изучение авторского художественного текста и кинотекста, анализ детской речи, речевое портретирование, материалы к энциклопедии речевых жанров.

УДК 80/81
ББК 81

ISBN 978-5-9908330-6-7

© К. Ф. Седов (наследники), 2016
© О. Б. Сиротинина, предисловие, 2016
© В. В. Дементьев, послесловие, 2016
© Издательский Дом ЯСК, 2016

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (*О. Б. Сиротинина*) 7

1. Структура лингвистической науки 9
1.1. Языкознание. Речеведение. Генристика 9
1.2. Общая психолингвистика и ее место в пространстве ΨΛ-науки . . . 27
1.3. К основаниям лингвистики индивидуальных различий 42

2. Дискурс 67
2.1. Теория повседневного дискурса 67
2.2. Дискурс как суггестия 80
2.2.1. Агрессия. 80
2.2.2. Манипуляция и актуализация 98
2.2.3. Зависть 149

3. Жанры речи 163
3.1. Социопрагматический аспект теории речевых жанров 163
3.2. Материалы к энциклопедии речевых жанров 184
3.2.1. Разговор 184
3.2.2. Комплимент 200
3.2.3. Анекдот 210

4. Языковая личность 224
4.1. Принципы речевого портретирования 224
4.2. Речевые портреты 226
4.2.1. Речевой портрет X 226
4.2.2. Речевой портрет Y 236
4.2.3. Речевой портрет Z 245

5. Детская речь 259
5.1. Методы онтопсихолингвистики 261

5.2. Экспериментальное исследование становления дискурсивного мышления 265
5.2.1. Порождение дискурса 266
5.2.2. Понимание дискурса 277
5.2.3. Становление целостной структуры устного дискурса . . . 294

6. Художественный текст, кинотекст 309
6.1. Прагмасемиотическая модель художественного текста 309
6.2. Изучение авторского художественного текста и кинотекста 324
6.2.1. Ф. М. Достоевский «Записки из подполья» 324
6.2.2. В. В. Ерофеев «Москва — Петушки» 338
6.2.3. А. А. Тарковский «Жертвоприношение» 354

Творческое наследие К. Ф. Седова: попытка осмысления (*В. В. Дементьев*) 367

Библиография 391

Предметный указатель 407

Указатель имен 432

ПРЕДИСЛОВИЕ

Константин Федорович Седов (1954—2011) был талантливейшим филологом, первые годы своей научной деятельности создававший впечатление мечущегося из одной отрасли филологического знания в другую. Будучи студентом, он активно работал и в литературоведческом, и в лингвистическом спецсеминарах, но потом, не отказываясь от литературоведческих и киноведческих интересов, специализировался все же в лингвистике. Однако и тут его интересовали, казалось бы, не связанные между собой онтолингвистика и собственно детская речь, риторика, жанроведение, психолингвистика, типы языковых личностей и многое, многое другое. В результате из его трудов выкристаллизовалась целостная теория лингвистической науки с ее составляющими. Эти его мысли разбросаны по разным изданиям (книгам и статьям) и в качестве своеобразной канвы будущей монографии нашли свое воплощение в одной из последних статей, опубликованной в сборнике «Проблемы речевой коммуникации» (Вып. 10. Саратов, 2010). Оформить эту монографию он не успел, но очень важные для науки положения, хотя и не все бесспорные, внесли свой вклад в развитие лингвистики. То, что было делом всей короткой жизни К. Ф. Седова, воплотил в реальность его друг и коллега доктор филологических наук профессор В. В. Дементьев. Он собрал и не хронологически расположил в соответствии с логикой теории К. Ф. Седова его труды, разбросанные по разным изданиям (конечно, не все). Получилась довольно стройная и целостная монография с оригинальным взглядом на очень актуальные проблемы современной лингвистики.

Думается, что издание такой монографии необходимо не только в память о выдающемся ученом, чего К. Ф. Седов безусловно заслуживает, но прежде всего потому, что в этой монографии нуждается лингвистика как наука. Это новый этап ее развития. Изданные в виде

целостной монографии труды К. Ф. Седова получат новое звучание и внесут в развитие науки гораздо больший вклад, чем в виде разрозненных работ, многие из которых уже стали библиографической редкостью. Конечно, это не значит, что отдельные статьи и книги могут быть забыты, но, специально отобранные для монографии, вместе они приобрели еще бóльшую научную значимость, поэтому эта книга несомненно станет ярким явлением лингвистики и культуры России.

О. Б. Сиротинина

1. СТРУКТУРА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ

1.1. Языкознание. Речеведение. Генристика*

За последние три десятилетия облик науки, которую мы традиционно называем языкознанием, существенно изменился. И дело не в том, что в это время были сделаны какие-то существенные открытия, увеличивающие объем лингвистического знания. Изменились очертания границ лингвистики, представления о ее предмете, происходит ломка ее внутренних перегородок, перестройка всего ее старого и добротного здания. Первопричиной, толчком, который запустил процесс трансформации общего пространства науки о языке, стало смелое и энергичное вторжение некоторых ученых-языковедов в смежные области знания. Из науки кастовой, усилия которой были направлены на имманентное описание внутриязыковых отношений, лингвистика сейчас превращается в науку, которая все более решительно устремляется в жизнь, возвращая себе статус гуманитарной (от *homo* — человек) области знаний. В этом смысле сбываются пророчества Бодуэна де Куртенэ, предсказавшего, что со временем «языковые обобщения будут охватывать все более широкие круги и все более соединять языкознание с другими науками: с психологией, с антропологией, с социологией, с биологией» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 18].

Следствием этого стало появление у нас «новых» лингвистик (лингвистики речи, психо-, социо-, прагма-, онтолингвистики, лингвистики текста и т. д.), возрождение классической риторики и формирование

---

* *Седов К. Ф.* Языкознание. Речеведение. Генристика // Жанры речи. Вып. 6. Жанр и язык. Саратов: ИЦ «Наука», 2009. С. 23—40.

на ее основе неориторики, практической области гуманитарного знания, призванной влиять на становление коммуникативной компетенции индивида. Однако, как и прежде, все новые научные области, появившиеся на свет в последнее время, сторонниками традиционного языкознания квалифицируются как явления случайные, находящиеся на периферии его пространства. Сама же лингвистика по-прежнему самоопределяется как «наука о естественном человеческом языке вообще и обо всех языках мира как индивидуальных его представителях» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 618].

В старые советские времена, в эпоху засилия только одного, лингвоцентрического, направления, бороться с теоретическим инакомыслием было легко, оперируя главным образом методами администрирования. Тогда любой новый подход можно было легко придушить, произнеся магическое заклятие «это — не лингвистика». Теперь же в атмосфере относительной теоретической свободы традиционалисты вынуждены терпеть на своей территории всевозможных вольнодумцев, открытия которых разрушают прочный каркас устоявшихся представлений о гуманитарном знании.

Пересмотр границ и основных категорий лингвистики не только необходим, но и неизбежен. Будет ли это сделано сейчас или чуть позже — это вопрос времени. В центробежных тенденциях, направленных на преодоление теоретического глобализма нашей науки, можно наметить два вектора. Во-первых, это перемещение фокуса восприятия с языка как системного образования на индивидуального «человека говорящего» — личность, которая изучается в свете наиболее важных «человеческих» познавательных процессов — способности говорить и мыслить, и, вследствие этого, во-вторых, переключение внимания на процесс и результат коммуникации.

В статьях и книгах по лингвистике все чаще звучит мысль о «человеческом факторе в языкознании», об антропоцентрическом полюсе в общем континууме науки о языке. В ядерной части этого научного направления располагается психолингвистика — молодая междисциплинарная область знаний, изучающая коммуникативную компетенцию человека в индивидуально-психологическом аспекте. Возникнув на магистральном направлении развития мировой гуманитарной мысли, стимулируемая практическими нуждами психологии, педагогики (включая сюда и методику преподавания родного и иностранного языков), речевого воздей-

ствия, медицины и т. п., психолингвистика все отчетливее осознает себя самостоятельной наукой, наукой со своим и только ей присущим предметом изучения, методами, кругом проблем и исследовательских задач, которые намечают границы, отделяющие ее от смежных сфер. Достижения психолингвистики не просто расширяют границы языковедения, но и существенно меняют представления о его сути.

Вторая тенденция развития нашей науки привела к появлению коммуникативной лингвистики, лингвистики речи в ее многоликих формах, будь то лингвистическая прагматика, теория речевых актов, социолингвистика или лингвистика дискурса. Ее появлению на белый свет прежде всего способствовали успехи коллоквиалистики — науки о разговорной речи.

Отечественная коллоквиалистика возникла в недрах функциональной стилистики, которая до сих пор остается в рамках функциональной парадигмы традиционного языкознания и по-прежнему видит свой предмет в «выразительных возможностях и средствах разных уровней языковой системы, их стилистических значениях и окрасках (иначе называемых коннотациями), а также закономерностях употребления языка в разных сферах и ситуациях общения» [Кожина и др. 2008: 28]. Феномен разговорной речи в нашей стране поначалу также исследовался с точки зрения языка. Это привело ученых академической школы к парадоксальному выводу о своего рода двуязычии в языковой ситуации в России. В серьезной монографии черным по белому было написано, что мы в повседневном общении используем два языка: разговорный и кодифицированный [Русская разговорная речь 1973]. Дальнейшее развитие науки о русской разговорной речи раздвинуло границы отечественной стилистики, поставив перед ней проблемы лингвистики речи, что способствовало адаптации в отечественной науке многих импортных приобретений и прежде всего основных идей лингвистической прагматики, лингвистики текста и дискурса.

Другим фактором, стимулирующим интерес к законам и результатам коммуникации, стала попытка возрождения риторики как практической системы формирования навыков эффективного общения. Обращение к классической традиции искусства красноречия привело к появлению новой отрасли коммуникативной лингвистики — теории речевого воздействия, или неориторики, которая стремится охватить практически все сферы социально значимого взаимодействия

людей. Развитие основных проблем этой сферы языковедения, в свою очередь, привело к дифференциации риторики на общую и частные. Любая достаточно отчетливо выделяющаяся в этносе социальная область может породить одну из частных риторик. На сегодняшний день мы уже имеем гомилетику, педагогическую (в рамках которой отдельно выделяется школьная риторика), деловую, юридическую, военную риторики; на стадии выделения риторика медицинская, политическая, рекламная, риторика средств массовой информации; все чаще высказываются мнения о существовании риторики бытового общения и т. п. Как практическая дисциплина неориторика стремится использовать достижения разных наук, будь то психология общения, психо-, социо-, прагмалингвистика и т. п. (см., например: [Клюев 2002; Михальская 1996; Стернин 2001; Формановская 2007; Хорошая речь 2007]). Формирование системы частных риторик более всего нуждается в гибкой типологии коммуникативного континуума, которая способна отразить многообразие форм социального существования людей. Функциональная стилистика, предлагающая подразделять область литературного общения на публицистический, научный, официально-деловой, разговорный и художественный стили, решить поставленную проблему не в состоянии. Создание теоретической базы для создания практических моделей эффективной коммуникации в разных сферах общения — одна из насущных задач, которая сейчас выходит на первый план.

Соотношение понятий *стиль* и *жанр* в настоящее время в науке о языке становится своего рода камнем раздора. Выскажем предположение о том, что функциональную стилистику теория дискурсно-жанрового членения речи может не просто потеснить, но и вытеснить из научного пространства. В связи с этим можно, перефразируя известное высказывание, воскликнуть: «Стилистика умерла! Да здравствует альтернативная стилистика — генристика!»

Достижения неолингвистики — лингвистики коммуникативной и антропоцентрической — очевидны. Однако наука наша по-прежнему самопрезентируется как языковедение, снисходительно рассматривая новые свои отрасли как маргинальные феномены. Понятно, что подобное представление не отражает существа дела и нуждается в пересмотре. Чтобы количество новых открытий перешло в качество — изменение основных ориентиров, категорий объекта, предмета, основных задач и т. п., — нужна дискуссия, диалог между учеными,

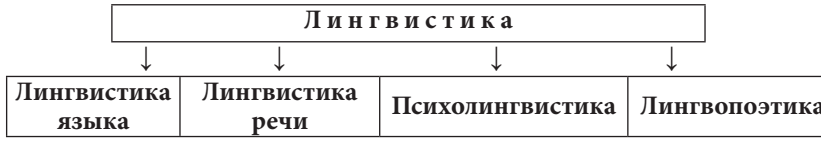
работающими в разных отраслях языковедения. Но для этого необходимо понимание того, что делают «собратья по разуму» в иных цехах и на иных площадках. Когда-то в своей знаменитой статье о филологии С. С. Аверинцев в качестве основного пафоса гуманитарного знания указал на п о н и м а н и е. «Как служба понимания, — писал ученый, — филология помогает выполнению одной из главных человеческих задач — понять д р у г о г о человека (и другую культуру, другую эпоху), не превращая его ни в исчислимую вещь, ни в отражение собственных эмоций» [Аверинцев 1987: 468]. Понимание, как считают современные психолингвисты, — это не пассивное запоминание, а встречная мыслительная активность, противопоставленная интенции собеседника. Это действие, на результат которого оказывает влияние весь предшествующий опыт человека, установка, определяющая стремление встать на точку зрения партнера по коммуникации.

Идея тотального понимания как главной миссии гуманитарного знания в нашей науке все чаще подменяется идеей толерантности — терпимости к чужой точке зрения. Но без активного противопоставления своей правды правде другого, без стремления посмотреть на мир глазами собеседника толерантность порождает равнодушие, где законы приличия предполагают вместо понимания терпеливое и вежливое пережидание, «когда закончит говорить оппонент». Толерантность подобного толка ведет к полнейшей центрации, научному эгоцентризму, когда ученые разного уровня, подобно гоголевской Коробочке, простодушно исключают из своего кругозора достижения ученых из соседних научных пространств. Все это создает парадоксальную ситуацию, где научный диалог превращается в полифонию, где различные голоса существуют независимо друг от друга. На место горячих споров, конфликтных (в хорошем смысле этого слова) дискуссий пришла вялотекущая толерантность, где за плохо скрываемым неприятием чужого мнения просвечивает неприязнь к новым подходам и страх перед свежими идеями. В основе этого часто лежит теоретический комплекс неполноценности, который в психоанализе называется комплексом «Лисы в винограднике», когда узость собственного научного мышления оправдывается демонстрацией мнимой слабости позиции собеседника.

Первый шаг на пути создания жизнеспособной модели науки о языке (а точнее — о коммуникации), с нашей точки зрения, состоит в провозглашении теоретического антиглобализма в качестве

основного принципа сосуществования. Иными словами, необходимо уравнять в правах старые и новые, большие и малые отрасли языкознания. Для последующего объединения территорий разных его областей нужно провести четкие границы. Чтобы объединиться, сначала нужно размежеваться. Трезвый же взгляд на современную отечественную лингвистику позволяет увидеть в ее пространстве четыре самостоятельные области, которые можно с определенной долей допущения квалифицировать в качестве самостоятельных гуманитарных наук. Основным критерием, позволяющим выделять подобные сферы, служит притяжение к иной научной стихии, влияние другой, соседней с лингвистикой науки.

Изобразим намеченную модель современной лингвистики в виде схемы:

Прежде всего, здесь нужно признать суровые очертания традиционной области **дескриптивного изучения языков**. Она наиболее удалена от гуманитарной идеи филологии и тяготеет к точным наукам (математике и семиотике). Это направление (назовем его **лингвистикой языка**) имеет солидную традицию и восходит к штудиям, которые были посвящены описанию мертвых языков.

> Как совершенно справедливо писал еще в конце 20-х годов прошлого столетия М. М. Бахтин, в основе тех лингвистических методов мышления, которые приводят к созданию языка как системы нормативно тождественных форм, лежит практическая и теоретическая установка на изучение мертвых чужих языков, сохранившихся в письменных памятниках. Нужно со всею настойчивостью подчеркнуть, что эта филологическая установка в значительной степени определила все лингвистическое мышление европейского мира. Над трупами письменных языков сложилось и созрело это мышление; в процессе оживления этих трупов были выработаны почти все основные категории, основные подходы и навыки этого мышления [Бахтин 2004: 89].

Другая сфера лингвистики — **лингвистическая поэтика** — область гуманитарного знания, исследующая закономерности построения ху-

дожественных текстов. Эта сфера языкознания граничит с литературоведением, а вместе они соседствуют с философской эстетикой, и именно поэтому ее все чаще называют эстетикой словесного творчества.

Нас в большей степени будут интересовать новые, молодые ветви отечественного древа гуманитарного знания, к числу которых нужно отнести психолингвистику (с примыкающей к ней когнитологией) и лингвистику коммуникативную, или лингвистику речи.

Как уже было сказано, **психолингвистика** — научная область, которая тяготеет к психологии и изучает коммуникативную компетенцию в индивидуально-психологическом аспекте. Несмотря на свою молодость, эта научная сфера имеет достаточно внятно определенный предмет; она оперирует категориями (языковое сознание, речевое мышление, речевая деятельность, речевое поведение и т. п.), которые отличают ее от других смежных областей. Было бы безответственным утверждать, что к нынешнему моменту облик отечественной психолингвистики имеет четкие контуры внешнего и внутреннего разграничения, что окончательно разработан и упорядочен ее категориальный и терминологический аппарат и мн. др. Но в то же время не следует преувеличивать степени их аморфности и релятивизма. Более того, наличие разных точек зрения, противоречий и т. п. создает особую романтическую атмосферу, когда глянцевый блеск устоявшихся истин еще не способен затмить яркого света новых научных идей. На фоне таких «пожилых» наук, какими выглядят языкознание и психология, психолингвистика смотрится юным растущим созданием, черпающим энергию для своего развития из противоборств и столкновений различных концепций.

В одной из своих публикаций мы подробно рассмотрели теоретическую модель современной российской психолингвистики (см.: [Седов 2007а]). В дальнейших своих рассуждениях обратимся к четвертой составляющей современной лингвистики — лингвистике коммуникативной.

Коммуникативная лингвистика, **или лингвистика речи**, — направление, которое включает в себя отрасли гуманитарного знания, исследующие внешние процессы и продукты коммуникации. Сюда нужно отнести лингвистическую прагматику, социолингвистику, теорию речевого воздействия (неориторику), генристику и мн. др.

На сегодняшний день эта отрасль языкознания выглядит наименее упорядоченной в смысле четкости определения ее границ, предмета,

задач, методов, основных категорий и т. п. Отчасти это связано с тем, что в ее пространстве плохо уживаются отпрыски разных научных корней: с одной стороны, это ветви таких импортных экзотических растений, как прагмалингвистика, теория речевых актов, социолингвистика, а с другой — отростки от мощной корневой системы отечественной науки.

Из многих подходов к построению модели коммуникативной лингвистики нам ближе всего концепция речеведения, разработка которой ведется в последнее десятилетие (см.: [Кожина 1998; Мишланов 1999; Формановская 2007]). Наиболее системно и непротиворечиво она представлена в интересных и содержательных работах Т. В. Шмелевой [1997; 1999; 2000; 2004]. Скажем сразу, что не все суждения ученого представляются нам одинаково продуктивными и справедливыми. В своих собственных построениях мы пытаемся полемически развить мысли автора, высказанные главным образом в небольших по объему статьях, где не всегда есть возможность детальной аргументации.

Обозначим свое первое несогласие с определением Шмелевой статуса психолингвистики: она явно недооценивает масштабы достижений этой области филологии. Подобное отношение есть проявление некоторой толики научной центрации, о которой мы писали выше: психолингвистика, как и психология, просто не входит в исследовательский кругозор Татьяны Викторовны. Понятно, что свое различение «языковедение / речеведение» она возводит к дихотомии Ф. де Соссюра [1977]. Однако уже Соссюр пытался преодолеть ограниченность бинарной оппозиции, развернуть ее до тетрарной: кроме категорий *langue* (язык) и *parole* (речь) швейцарский лингвист в качестве предмета исследования называл *faculté du langage* (речевую способность индивида), т. е. как раз то, что составляет предмет психолингвистики. Позже о «трояком аспекте языковых явлений» писал и Л. В. Щерба [1974], который предвидел вектор будущего развития отечественной лингвистики: именно такое представление об общем континууме лингвистики легло в основу концепции теории речевой деятельности А. А. Леонтьева — первого варианта отечественной психолингвистики (см.: [Леонтьев 1969]).

Психолингвистика ни по своим задачам, ни по предмету исследования никак не может быть частью речеведения. Это самостоятельная наука, составляющая отдельное княжество в диффузном пространстве пограничных владений лингвистики и психологии.

Возвратимся к речеведению. Удачен выбор термина: во-первых, он однословен, что дает возможность для создания производных — речевед, речеведческий и т. п. Во-вторых, он более других отвечает сути дела: именно речь — предмет, объединяющий разных исследователей в единое научное направление. Речь — понятие, которое диалектически сочетает в себе процесс коммуникации и результат этого процесса, т. е. речевые произведения в их когнитивном и коммуникативном своеобразии. В-третьих, само это слово русское (не заимствованное), что ориентирует на нашу отечественную традицию, или, как пишет Т. В. Шмелева, «использование внутренних ресурсов».

В российской науке эта традиция начала складываться еще на рубеже XIX и XX веков фундаментальными трудами И. А. Бодуэна де Куртенэ и продолжалась в исследованиях ученых первой половины XX века: работами М. М. Бахтина, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, В. М. Жирмунского, Б. А. Ларина, Е. Д. Поливанова, Л. В. Щербы, Л. П. Якубинского и мн. др. Однако причудливые зигзаги развития гуманитарной мысли в нашей стране, где не последнюю роль играло вмешательство сил, далеких от науки, привело к тому, что традиция эта на время пресеклась. В результате подобного вмешательства в языкознании произошло воцарение лингвоцентрического (системоцентрического) направления, во главу угла ставившего изучение языка как имманентной структуры. И вот сейчас — самое время обратиться к животворным истокам нашей отечественной науки.

Прежде всего это относится к научному наследию Михаила Михайловича Бахтина, имя которого сейчас становится своего рода знаменем отечественной неолингвистики. Одной из многочисленных заслуг Т. В. Шмелевой стало то, что она одной из первых обратилась к трудам Бахтина, и прежде всего к его знаменитой сейчас незавершенной статье о речевых жанрах [Бахтин 1996]. Энергия мысли, запечатленная в этой статье, оказалась настолько зиждительной, что она смогла породить в нашей стране целое научное направление, именуемое чаще жанроведением или генристикой (подробнее см.: [Антология речевых жанров 2007; Жанры речи 1997—2007]).

Подчеркнем еще раз: категория «речевой жанр» — ключевая в построении модели речеведения. Кроме нее Т. В. Шмелева намечает следующий набор характеристик речи: *сфера*, *фактура*, *поведение*, *роль*, *речевые стратегии* и *тактики*. Мы полностью разделяем справедливость и продуктивность приведенного набора: именно он

создает специфическую речеведческую парадигму изучения речевого континуума.

Прежде чем мы рассмотрим эти категории более подробно, выскажем еще одно полемическое дополнение к концепции Т. В. Шмелевой. Оно касается толкования базового для речеведения термина «речь» и принципов речевой системности. Разрабатывая систему категорий речеведения, намечая ее основные задачи, очерчивая границы ее влияния, Татьяна Викторовна никак не может оторваться от традиционного лингвоцентрического ракурса рассмотрения нетрадиционных предметов. «Если язык, — пишет Шмелева, — это, как всем известно, средство, инструмент общения, то речь — это и есть языковое общение, или механизмы, принципы пользования этим инструментом» [Шмелева 1999: 5]. Приведенное суждение не отличается большой оригинальностью: откройте любую популярную книжку по языкознанию — и вы встретите что-то подобное. Однако оно не годится для выстраивания концепции речеведения: такая теоретическая установка подрезает крылышки, держит исследователя на коротком приводе старого лингвоцентрического подхода, в основе которого заповедь — «язык и ничего, кроме языка; а все остальное — от лукавого». И не в том беда, что остракизму подвергаются все «неязыковые» составляющие общения (невербальные компоненты), роль которых в успешности коммуникации сопоставима с ролью языковых элементов. Беда — в нежелании выйти за пределы привычного круга категорий в соседние научные пространства.

Преодоление основного противоречия концепции Т. В. Шмелевой и, что гораздо важнее, значительный шаг вперед к построению методологии речеведения видится нам в обращении к трудам все того же Михаила Михайловича Бахтина, к его лингвистической философии, которую он называл «социологическим методом в науке о языке».

> Речевое сознание говорящих, — пишет Бахтин, — в сущности, с формой языка как такой и с языком как таким вообще не имеет дела. В самом деле, языковая форма, данная говорящему… лишь в контексте определенных высказываний, дана, следовательно, лишь в определенном идеологическом контексте. Мы, в действительности, никогда не произносим слова и не слышим слова, а слышим истину или ложь, доброе или злое, важное или неважное, приятное или неприятное и т. д. [Бахтин 2004: 88].

Иными словами, для продуктивного исследования речи — процесса и результата повседневной (в широком смысле этого слова) коммуникации — необходимо сменить точку зрения, танцевать, говоря фигурально, не от языка, а от социальной реальности, от закономерностей социального взаимодействия людей. И тогда сразу проявляют себя пограничные с речеведением науки, способные питать его энергией своих достижений, — социология и социальная психология. Однако продолжим цитирование М. М. Бахтина.

> Организующий центр всякого высказывания, всякого выражения, — пишет наш великий соотечественник, — не внутри, а вовне: в социальной среде, окружающей особь (здесь и далее разрядка моя. — *К. С.*). <…> Всякое высказывание, как бы оно ни было значительно и закончено само по себе, является лишь моментом непрерывного речевого общения (жизненного, литературного, познавательного, политического). Но это непрерывное речевое общение само, в свою очередь, является лишь моментом непрерывного всестороннего становления данного социального коллектива. Отсюда возникает важная проблема: изучение связи конкретного взаимодействия с внесловесной ситуацией, ближайшей, а через нее и более широкой. Формы этой связи различны, а в связи с той или иной формой различные моменты ситуации получают различное значение (так, различны эти связи с различными моментами ситуаций в художественном общении или общении научном). Никогда речевое общение не сможет быть понято и объяснено вне этой связи с конкретной ситуацией. Словесное общение неразрывно сплетено с общениями иных типов, вырастая на общей с ними почве производственного общения. Оторвать слово от этого вечно становящегося, единого общения, конечно, нельзя. В этой своей конкретной связи с ситуацией речевое общение всегда сопровождается социальными актами неречевого характера (трудовыми актами, символическими актами ритуала, церемонии и пр.), являясь часто только их дополнением и неся лишь служебную роль [Бахтин 2004: 100—101].

В рамках подобных теоретических установок речь — это вовсе не то, «что мы делаем с языком» [Шмелева 1999: 5], а то, как мы общаемся друг с другом в ходе социально значимого взаимодействия. И первично здесь социальное бытие, а не язык с его жесткой структурой. А потому речевая системность есть отражение системности нашего социального существования. В каких же категориях можно измерять речь?

Конечно же, в категориях современной генристики, наиболее важной среди которых выступает **речевой жанр**, понимаемый как вербально-знаковое оформление типической ситуации социального взаимодействия людей. Главное, что подчеркивает данное определение, это первичность в предлагаемом подходе социально-психологического взаимодействия людей. Именно жанры речи — «приводные ремни от истории общества к истории языка» [Бахтин 1996: 165] — составляют тот промежуточный слой языкового сознания человека, в котором глубинные образно-когнитивные конструкты связаны с языковой репрезентацией накопленных знаний. К числу речевых жанров можно отнести *разговор по душам*, *болтовню*, *ссору*, *светскую беседу*, *застольную беседу*, *анекдот*, *флирт* и т. п. Речевой жанр — центральная единица предлагаемой нами типологии.

Мы совершенно не разделяем точку зрения таких ведущих жанроведов, как В. В. Дементьев и Т. В. Шмелева, о состоянии стагнации, которую якобы переживает современная отечественная генристика (см. [Дементьев, Фенина 2005: 6; Шмелева 2004: 30]). К началу нового столетия были высказаны, как нам представляется, не «программные идеи» теории речевых жанров (как пишет Т. В. Шмелева), а довольно поверхностные суждения «с позиции здравого смысла». Сейчас же построение прочного теоретического фундамента речеведения — **дискурсно-жанровой модели** членения коммуникативного пространства — идет полным ходом. Напомним систему ее основных категорий.

Первая составляющая термина (*дискурсно-жанровый*) мотивирована активным вовлечением в перечень основных категорий речеведения категории «**дискурс**». В современной науке нет единства в толковании значения этого термина. Однако ныне в большинстве работ отечественных и зарубежных ученых (см.: [Арутюнова 1998; Карасик 2002; Макаров 2003; Седов 2008а; Шейгал 2000] и мн. др.) сложилась традиция, в рамках которой под словом *дискурс* понимается целостное речевое произведение в многообразии его когнитивно-коммуникативных функций. Мы не ставим своей задачей подробное реферирование и критический анализ всех накопившихся к настоящему времени точек зрения на рассматриваемый феномен. Расставим лишь некоторые акценты, необходимые для уточнения методологического фундамента речеведения. По нашему мнению, наиболее удобной

рабочей дефиницией дискурса может быть определение с позиций феноменологического подхода. Дискурс — целостное знаковое построение (вербальное и невербальное), которое отражает и сопровождает процесс социального взаимодействия людей.

Подчеркнем интерактивную природу дискурса: он запечатлевает в себе взаимодействие, диалог (см.: [Макаров 2003]). В своей объективности дискурс напоминает многогранный кристалл, стороны которого способны отражать различные особенности этого взаимодействия: национально-этническую, социально-типическую (жанровую), прагмалингвистическую, формально-структурную и мн. др. Каждая из граней рассматриваемого феномена может стать основанием для выделения особого аспекта его рассмотрения, который, в свою очередь, способен сформировать самостоятельный раздел в общей теории речеведения.

Дискурс предстает как макроединица речевого континуума, отражающего речевое поведение носителей языка. При этом в качестве концептуальной базы формирования речеведения больше всего подходит социально-прагматический аспект теории дискурса (см: [Карасик 2002; Олянич 2004; Шейгал 2000]).

> Такой подход к дискурсу не противоречит структурно-стилистическому подходу, а переакцентирует внимание исследователей: в соответствии с основной задачей прагмалингвистики в центре внимания оказывается речевое действие, участниками которого выступают определенные типы языковых личностей, действующие в рамках определенных обстоятельств и условий общения [Карасик 2002: 27.].

Социально-прагматическая концепция дискурса опирается на типологию сфер общения и коммуникативных ситуаций, которая строится на основе противопоставления личностно-ориентированного (персонального) / статусно-ориентированного (институционального) типов дискурсов. Каждая разновидность дискурса нуждается в более дробном членении, сочетающем в себе представления о специфике той или иной социальной сферы общения и индивидуальных особенностей языковых личностей, принимающих участие в интеракции. Возможность такой дифференциации дает система единиц генристики, где в качестве центральной категории, как уже было сказано, выступает категория «**речевой жанр**».

Научное издание

Константин Федорович Седов

ОБЩАЯ И АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Корректор О. Круподер
Ведущий редактор В. Столярова
Оригинал-макет и художественное оформление переплета
подготовлены И. Богатыревой

Подписано в печать 15.08.2016. Формат 60×90 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Minion.
Усл. печ. л. 27,5. Тираж 600. Заказ №

Издательский Дом ЯСК
№ госрегистрации 1147746155325
Phone: 8 (495) 624-35-92 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: http://www.lrc-press.ru, http://www.lrc-lib.ru

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: +7 (499) 255-77-57, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4